

Из зала пресс-конференций

Стэнли Креймер:

«Искать пути к взаимопониманию и миру»

В дни XIII Московского кинофестиваля состоялась встреча известного американского режиссера Стэнли Креймера с корреспондентами ряда изданий, аккредитованными на фестивале, с ведущими обозревателями советского радио и телевидения. В этой встрече принял участие киновед, кандидат филологических наук Т. Големпольский, подготовивший для нашего журнала запись беседы, в ходе которой С. Креймер ответил на ряд вопросов.

Вопрос. Вы прибыли на фестиваль для того, чтобы принять участие в ретроспективе ваших фильмов, организованной в рамках московского киносмотря. С какими мыслями приехали вы в Москву?

Ответ. Приезд в Москву всегда вызывает у меня особые чувства, заставляет всерьез задуматься над тем, что происходит в мире. Проходят годы. А проблемы остаются, действительность по-прежнему предлагает вопросы, на некоторые из них, увы, не находишь ответов. Во всяком случае — честных. Мы живем в сложном мире. Наверное, поэтому так труд-

но найти ответы, которые можно было бы назвать абсолютно правдивыми. А полуправда меня страшит — за ней слишком часто кроется огромная ложь...

Поэтому для деятелей кино важна их собственная правда, правда их совести, та, в которой они убеждены. В противном случае они не смогут ее со всей убежденностью защищать. И это в равной мере касается всех кинематографистов: и у нас, и здесь, я во всем мире. Иногда истина выглядит справедливейшей, когда вы ее утверждаете. А потом время подтвердит вашу правоту или внесет в нее свои поправки. Но молчать нельзя.

Ретроспектива моих работ на Московском кинофестивале — большая честь. Но должен признаться, что — при всех моих заботах и делах — я бы не приехал только из-за этого. История отношений между двумя нашими странами и народами требовала моего присутствия здесь, чтобы обратиться к советским кинематографистам, особенно к вашим молодым кинематографистам, творчеством которых сегодня создается новый советский кинематограф, со словами: «Ищите истину! Как творцы, как художники, которые всегда ищут новые пути, — ищите путь к взаимопониманию и миру в нашем мире».

Вопрос. Что для вас, художника, является сегодня главным?

Ответ. Сегодня главный вопрос стоит так: что нужно сделать, чтобы человечество смогло выжить? Даже с моими хорошими друзьями, в том числе и здесь, с людьми, которых я много лет знаю, уважаю и люблю, нелегко бывает прийти к общей точке зрения. Мы представители разных миров, приверженцы разных идей, разных образов и стилей жизни. Но, невзирая на это, человек есть человек, и, особенно, если ты его уважаешь, с ним надо говорить, с ним надо вести диалог, по-чужому соглашаясь разногласия. Мы обязаны научиться жить вместе. Ибо альтернатива одна — умереть вместе.

У себя дома, встречаясь с молодыми кинематографистами, я неустанно призываю их уйти от эскапистских лейт о космических войнах и ужасах и заняться проблемами на-

Стэнли Креймер в дни фестивала

шей действительности. Я прошу их думать о том, что необходимо сейчас предпринять, чтобы изменить существующее положение вещей. С этим же призывом я обращаюсь и к вашим кинематографистам. Вот и ответ на вопрос, с какими мыслями я приехал в Москву: чтобы поведать вам о том, что у нас происходит, чтобы рассказать о том, что нас волнует, и задать вам те же вопросы, что тревожат нас.

И я был счастлив узнать здесь, что независимо от расхождений и противоречий, которые, конечно, имеются между нами, в самом главном и решающем мы единомышленники: я вижу здесь то же стремление, то же искреннее желание жить вместе в мире.

Вопрос. Что более всего вам самому запомнилось в ваших фильмах?

Ответ. Мне более всего памятна две сцены из моих картин. В фильме «На берегу», снятом двадцать пять лет назад, ученый говорит: «Наконец мы создали оружие, которое уничтожит нас самих». В «Нюрнбергском процессе», когда Сенсер Трэнс выносит приговор нацистским преступникам, он говорит: «Да, мы верим в истину, справедливость, но

более всего в ценность каждого отдельного человека». В это верю и я. И иначе не могу. Я искренне надеюсь, что советские кинематографисты эту мою веру разделяют, воплощая ее в своем творчестве. Это особенно важно сейчас, когда на мировом экране так возрос авторитет советского кино, так повысился к нему интерес. Поэтому я обращаюсь к вам с призывом использовать это свое влияние на благо человечества.

Вопрос. В печати сообщалось, что вы сейчас работаете над фильмом об антивоенном движении в США. Что общего между массовыми выступлениями протеста 60-х годов и нынешним движением американских сторонников мира? Намерены ли вы затронуть этот аспект в вашей картине?

Ответ. Я действительно сейчас работаю над фильмом о новом периоде подъема массового движения в США. В нашей стране сейчас происходят знаменательные события. В 60-е годы у нас бунтовала молодежь. Это был протест против войны во Вьетнаме, против расизма, против загрязнения окружающей среды. Сегодня в борьбу за благоразумие, за сохранение жизни на земле включились самые многочисленные и разнообразные, разновозрастные силы: женщины, дети, старики, все те, кому не чуждо чувство гражданской ответственности. В центре фильма — радикал образца 60-х годов, активист, как мы их называли тогда. В 70-х он, как и многие люди его поколения, успокоился и предпочел внедриться в «истабл-лишмент». Проходит время, и он встречается со своими бывшими сподвижниками, которые раскрывают ему глаза на то, что сегодня в стране существует значительно больше причины для социальной активности, чем два десятилетия назад.

Вопрос. Художник обращается к массам языком своего творчества. Но достаточно ли этого сегодня, в условиях называющейся «последней эпидемии», как называют ядерную войну?

Ответ. Сегодня, думаю, говорить одним языком кино недостаточно. С осени нынешнего года я приглашен вести семинар молодых кинематографистов. Для участия в нем запи-

салось около трехсот человек. Свою задачу я вижу в том, чтобы повернуть их лицом ко всем тем проблемам, о которых мы с вами здесь говорили. Я хочу опустить их на землю из модных космических одиссей и придуманных кошмаров и показать им те реальные ужасы и катастрофы, которые могут произойти, если мы все не возьмемся за ум. Такова кинематографическая задача, которую я ставлю перед собой. Правда, когда преподаешь искусство, нужно быть очень осторожным. Учитель должен помнить, что он занимается художественным творчеством, а не генеральной инженерией. Иначе говоря, я должен содействовать в сотворении трехсот творческих индивидуальностей, а не трехсот клонов, слепков. Следовательно, моя роль сводится к тому, чтобы заставить их мыслить, видеть реальные проблемы.

Я оптимист и по убеждению и по натуре. Мы должны быть оптимистами во всем, что мы делаем, иначе мы ничего не сделаем или, во всяком случае, не сделаем самого главного. Вместе с тем всякий оптимизм, всякая надежда должны иметь под собой какую-то почву. Этой почвой, этой основой для меня являются люди. А по всему свету их много, их большинство — знающих цену всему тому, чем нам, всем нам, придется поступиться, если наши надежды не сбудутся. Цела эта — жизнь. И не только наша, но и наших детей. Вот почему я смотрю в будущее с надеждой. У нас в стране есть люди, которые верят, что, только став сильными в военном отношении, мы, американцы, сумеем защититься. Но, простите, насколько сильными нужно быть, чтобы считаться достаточно сильными? Смею вас заверить, что у нас, да и у вас уже достаточно оружия, чтобы многократно уничтожить друг друга. А заводно и все живое на планете. Ну, хорошо, мы добавим что-то к тому, что у нас уже есть. Добавьте вы, добавьте и мы. Ну, а что если какой-нибудь психопат в «третьей державе» нажмет кнопку? Только вместе, вместе интеллектуально, эмоционально и, наконец, профессионально, можем мы отстоять то, что всем нам дорого.

Вопрос. Можете ли вы сказать, что в кинематографе США последних двух-трех лет существуют тенденции, отражающие все то, о чем вы здесь говорили? Ведь этих проблем мы пока не видим в кино США. Скорее наоборот, война героизируется...

Ответ. Это верно. Американцы в своей массе уже осознали всю угрозу создавшегося положения. Женщины — от домохозяек до активисток движения за эмансипацию — рассказали свое отношение к ядерному оружию. В борьбу за мир включилась и церковь, провозгласив гонку вооружения злом. Три четверти врачей Америки объединились в борьбу против «последней эпидемии», которой может стать ядерная война. А наше кино все еще сражается в космосе с инопланетянами. Увы, наш кинематограф сегодня выступает не с идеями, а чаще сводится к специальным техническим киноэффектам и кинотрюкам.

Вопрос. Какова, на ваш взгляд, роль художника в современном обществе?

Ответ. Роль художника всегда — и особенно сегодня — это очень важная роль. Она состоит в том, чтобы вести за собой людей, заставлять их думать. К художнику чутко прислушиваются и простые люди и сильные мира сего, потому что он оперирует такими категориями, как «гуманизм», «добро», «зло». В условиях, когда мировое общественное мнение ныне просыпается, наконец, от спячки, художник должен воздействовать на него своими произведениями. Эти произведения тогда обладают силой воздействия, когда продиктованы не умом, а сердцем. В этом, наверное, основное отличие искусства от всякой другой деятельности. Конечно, не следует ждать немедленных результатов. Сомневаюсь, чтобы, скажем, фильм или даже несколько фильмов могли заставить кого-либо сразу же изменить свои взгляды. Но они, несомненно, способны заронить семена, которые постепенно прорастут в убеждения. С годами я понял самое главное, как мне кажется: искусство должно ставить вопросы, а не навязывать ответы. В этом его большая сила. И в этом я вижу роль художника в современном обществе.